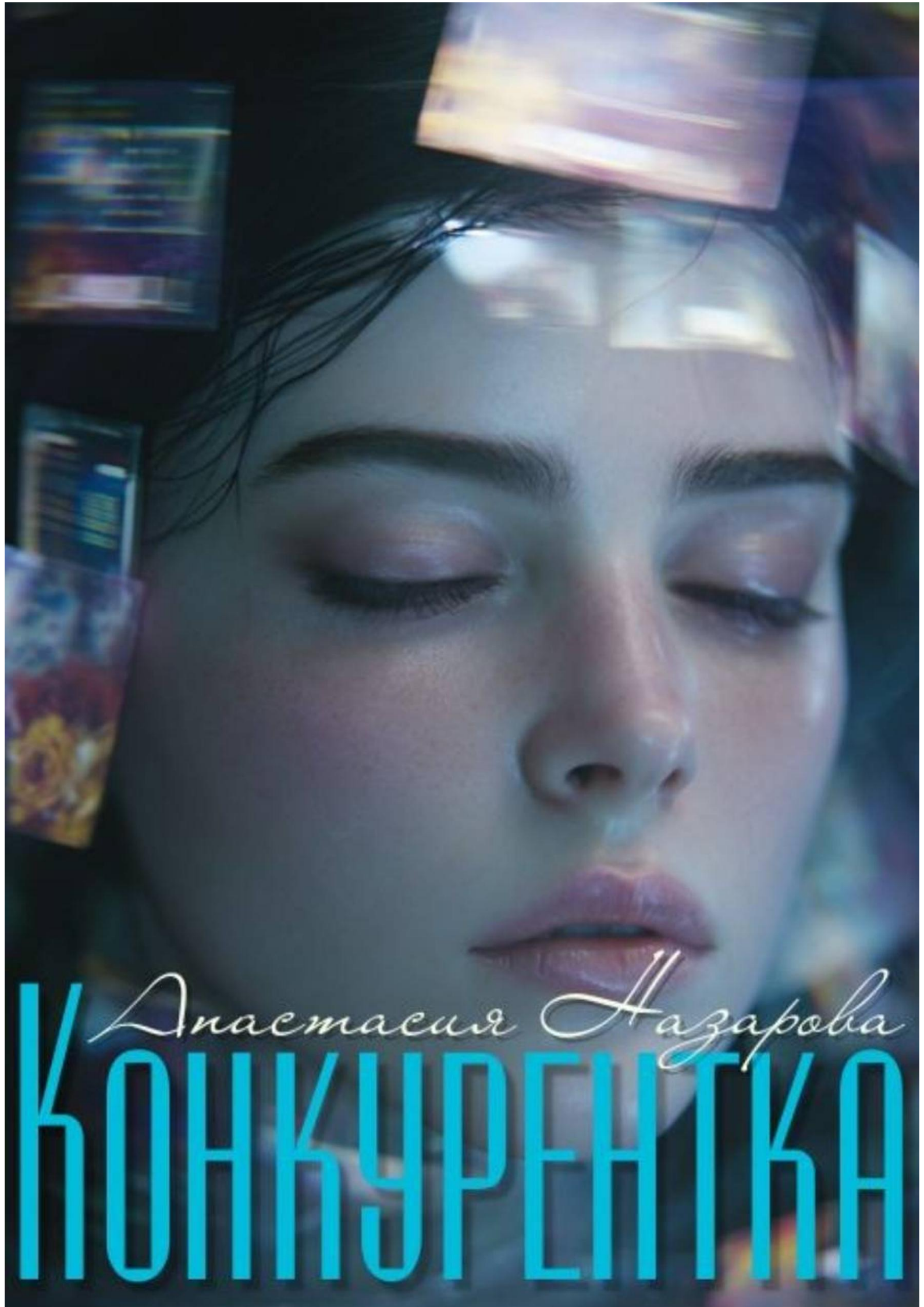

Анастасия Назарова

КОНКУРЕНТКА

Анастасия Назарова

Конкурентка

«Автор»

2026

Назарова А.

Конкурентка / А. Назарова — «Автор», 2026

Яна Артышева – прима-балерина, равной которой нет в театре. У нее скверный характер и большие амбиции, а все ее заслуги – результат упорного и долгого труда. Но идеально выстроенная жизнь рушится, когда в театр попадает новая разработка, балерина-андроид, не знающая усталости и травм. Яна вынуждена сражаться за свою роль, место в театре и будущее балета.

© Назарова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Конкурентка

Глава 1

Вы должны посвятить Искусству всего себя. Оно, и только оно – должно стать главной осью координат в вашей жизни. Ваши цели, смыслы, желания – все должно стать созвучно голосу Искусства. Все, что мешает, что бы это ни было – необходимо отбросить, принести в жертву. Это может показаться жестоким, но лишь так можно воплотить нечто стоящее. Искусство не прощает полумер. Но вознаграждает тех, кто искренне готов отдать ему все.

Любой, кто заходит в балетный театр со служебного входа, знает эти нехитрые истины.

Яна Артышева тоже их знала. Они звучали вокруг с того дня, когда она маленькой девочкой робко переступила порог танцкласса, и не смолкали по сей день. Но даже если бы голоса вокруг вдруг исчезли, ничего бы не изменилось. Эти истины давно запечатлелись глубоко внутри Яны, стали частью ее самой, ее определяющим вектором.

И следовала истинам Яна куда лучше прочих. Она жертвовала, боролась, выворачивала себя наизнанку до тех пор, пока не стала примой. А когда стала, то не остановилась, продолжила с еще большим усердием, потому что, если не выворачивать себя каждый день, если не хрустеть нутром – все будет зря. Борьба за совершенство ради Искусства было смыслом Яны и ее сутью.

На входе в театр Яна кивнула охраннику, Юрию Михайловичу, старичку, которого знала еще с детства и который, казалось, остался таким же, как в день, когда Яна впервые его увидела. Словно он был частью театра, его неизменным стражем. Родился сразу стариком и поселился за стойкой охраны.

От служебного входа внутрь театра вел коридор. Узкий, затхлый, с раздражающе мерцающими лампами. Это для зрителей театр выглядел просторным, изящным, с большими люстрами и высокими окнами. А места, куда не попадал зрительский взор, были другими – норами без окон, по которым сновали артисты и работники закулисья – жители большого театрального муравейника.

Маленькое здесь сочеталось с громадным, также как изящество сценических воплощений соседствовали с унижающей простотой обычной, скрытой за кулисами жизни.

Коридор заканчивался лестницей на второй этаж, к закулисью сцены.

По обе стороны от кулис, – там, где для зрителей сцена заканчивалась, – располагались два кармана. В их глубинах всегда царил полумрак, даже когда горел несценический свет. Казалось, что тьма, как вечная мерзлота в Антарктиде, никогда не покидала это место.

Запах, совершенно особенный, для каждой сцены свой, будто был соткан из пыли, света и слез. Вдыхая этот запах, казалось, что дышишь одним воздухом с каждым артистом, выступавшим здесь, словно их призраки по-прежнему обитали где-то рядом, а время над этим местом не властно.

Впрочем, время для балета действительно текло словно иначе. Это там, в большом мире, происходили перемены, прорывы, технические революции, но театр, сколько бы ни внедрял новой аппаратуры, все равно был ближе к прошлому, чем к будущему. Был ближе к вечному.

И Яне казалось, что, когда под светом софитов она замирает в гранд жете¹, тоже на мгновение становится вечной, бессмертной. И только в этот миг она словно по-настоящему жила.

¹ (фр. grand jeté) Большой прыжок в балете, при котором танцор в воздухе фиксирует продольный шпагат, создавая эффект

Сцена, сейчас лишенная магии декораций и таинства софитов, была полна людей, в основном монтировщиков, которые перетаскивали тяжелые металлические конструкции и технику.

Монтировщики, за редким исключением, балету не преданные, относились к реквизиту и замыслу спектакля как к блажи. Чужды им были понятия сверхидеи и метафоры. Они ставили все на места лишь потому, что за иное их костерили и лишали выплат, однако меж собой они смеялись над артистами, хореографами и всеми, для кого "метафора" было не просто словом. Подобное отношение казалось Яне оскорбительным, но изменить положение вещей она не могла, и оставалось лишь смириться. Наверное, думала она, именно так великое соседствует с низменным. И в мире, и в душах людей.

Через колонку системы внутренней связи театра раздался треск, а следом немного искаженный техникой голос помрежа Натальи:

— Проверяем свет и голограмму!

Яна замерла, не могла отказать себе в удовольствии посмотреть на момент, который редко удавалось поймать.

В мгновение свет в зале погас, вспыхнули софиты. Сцена преобразилась. А на месте, пустовавшем еще секунду назад, вырос голографический замок. Несуществующий ветер гнул ветви деревьев, а между высокими колоннами пролетали птицы. Даже сбоку, из-за кулис это смотрелось красиво, а из зала – очаровывало, заколдовывало, не оставляя шанса.

Сердце Яны забилось быстрее. Она не могла привыкнуть к красоте сцены, к ее зову. И Яна не могла дожидаться вечера, когда она отбросит все, с театром не связанное, и станет частью другой жизни, частью замысла, частью Искусства.

Первое, что бросилось Яне в глаза, когда она подошла к двери своей гримерки – полоска света снизу. Свет говорил либо о том, что Яна забыла его погасить, – она помнила, как выключала его прошлым вечером, – либо, что кто-то вошел внутрь без ее ведома.

Яну окатило волной раздражения. Гримерка была обителью Яны, ее убежищем. Она настолько любила свое пространство, что по театру ходила байка, будто Яна Артышева стала ведущей балериной только потому, что всем примам выделяли отдельную гримерку.

Яна с чувством толкнула дверь, так, словно за ней прятался ее неверный любовник.

Вторженка, молодая девушка, вздрогнула от шума и обернулась. Неаккуратно собранный хвостик длинных волос качнулся, словно мышинный. Да и сама девушка, сутулая, в серой кофточке с катышками напоминала пугливого, пойманного с поличным грызуна. Ее лицо было Яне не знакомо.

— Ой, здравствуйте, Яна Валерьевна... — залепетала она. — Извините, что зашла, думала, успею. Мне сказали, что балерины обычно позже приходят. Я Лера, — девушка, не зная, куда деть руки, приладила один из костюмов Яны на рейле. — Новая костюмерша.

Раздражение сменилось презрением. Пальцы костюмерши, сухие, исколотые, контрастировали с нежной, газовой тканью платья. Будь воля Яны, она бы готовила себе костюмы сама. И чтобы быть уверенной в безупречности одежды, и чтобы как можно меньше таких, небалетных, чуждых людей, касалось ее костюмов, ее второй кожи. Но подобной роскоши Яне не позволяли. Возможно, до поры до времени.

— Больше не входи сюда без меня, — бросила Яна и тут же потеряла к девушке интерес.

Яна прошла к гримерному столику, повесила темно-синее пальто на треножную вешалку. Заметила, как Лера потупилась несколько мгновений, а потом вернулась к работе с костюмами, бросая испуганные, затравленные взгляды.

Такие взгляды Яну не заботили совершенно. Это были взгляды людей, которых театр даже не надкусывал, а перемалывал в детское пюре и с удовольствием пил без остатка – настолько те были слабы.

Яна взяла в руки расческу и пока стягивала русые волосы в пучок, придирчиво осматривала себя в отражении гримерного зеркала с рядами лампочек по краям.

Ее взгляд больших темно-голубых глаз, пронизывал, словно нож. Люди с такими глазами сами шинковали других на детское пюре. В медиа взгляд Яны часто называли взглядом нежной русалки, и была в этом доля иронии. Русалки, пусть и выглядели очаровательного, могли сожрать любого, кто пришелся бы им не по нраву. Или пришелся бы по вкусу. Пока у Яны были такие глаза, она все еще была достойна занимать свое место. И этому взгляду, и всему остальному Яна была обязана ей.

В правом углу гримерного зеркала, поддетая под раму, висела театральная открытка с портретом и факсимиле², какие продавали зрителям вместе с программками. С открытки на Яну смотрела сухая, тонкая, казалось, выточенная балерина, Ольга Артышева.

Именно так Яна воспринимала эту женщину, сначала балериной, затем педагогом, и только в последнюю очередь – матерью.

Взгляд Ольги Артышевой напоминал два темных выжигающих провала. Космическую бездну, полную давления, что разрывала на части любого, кто оказывался в ее власти. Эти почти черные глаза могли заставить замереть даже так, со снимка. Каждый день Яна смотрела на эту открытку, сражалась, пытаясь выдержать этот взгляд, и каждый день эта космическая бездна сминала ее до уровня ничтожества.

Яна отвела взгляд.

И увидела в отражении, как Лера неуклюже развешивает и поправляет костюм. Ну что за жалкое зрелище?

— Что это? — голос Яны громыхнул, как гроза.

Лера снова вздрогнула и замерла, проследившая взгляд. Не найдя причины чужого раздражения, она растерянно вцепилась в костюм. Казалось, что у нее, правда, как у мышки, сейчас от страха остановится сердце. От этого жалкого, испуганного вида, Яна едва не закатила глаза. Кто, черт возьми, взял ее сюда?

— Это не мой костюм, — снисходительно объяснила Яна. Лера торопливо перевернула бирку.

— Ой, извините, — пискнула она и попыталась улыбнуться, но лицо вышло скорее жалобным. — Перепутала, он на вашей рейке вис...

Яна резко вздернула руку, заставляя замолчать. Этот жест ощущался как удар, но не физический, он бил куда-то глубже, в нутро. Въевшийся, укоренившийся, царапал что-то внутри, был неудобным, даже так, когда использовала его сама Яна, а не кто-то другой по отношению к ней.

И вместе с тем грубость, жестокость этого жеста была привычной, даже родной.

— В балете нет места ошибкам и оправданиям, — слова были тяжелыми настолько, что могли забить в душу гвозди. — За моей спиной стоит толпа других, которые только и ждут любой мелочи, чтобы занять мое место. — Яна сократила расстояние, вцепилась взглядом, как орлица в мышь, и взяла из дрожащих рук Леры костюм. — Любой мелочи, вроде этой. Одна ошибка – и ты больше никому не нужна.

— Простите, я не хотела... — пробормотала оцепеневшая Лера.

² (от лат. fac simile) Напечатанный, а не подписанный от руки автограф.

— Ты мне больше не нужна, — вкрадчиво произнесла Яна. — Убирайся. Чтобы больше я тебя здесь не видела.

Лера покраснела, ее глаза набухли влагой, она всхлипнула и торопливо бросилась прочь. Чужие слезы не проняли Яну ни на мгновение, как не пронимает писк комара, что жалостно просит крови.

Каждый день Яна вытачивала себя, как мастер вытачивает скульптуру. Тело, в отличие от театра, было подвластно износу времени и с каждым днем становилось все ближе к профнепригодности. Ужасного слова, почти клейма, Яна боялась, едва ли не так же, как смерти. А может, и больше.

Смерть забирает все, укутывает в покой полного равнодушия. Вердикт профнепригодности окунает в агонию, дает ощутить сполна миг, когда триумф сменяется тотальной ненадобностью под жадные взгляды более молодых и более сильных.

Балетный мир обещает помнить. Развешивает фотографии в галереях, сохраняет костюмы, приглашает на ежегодные ужины и премьеры. И кого-то, возможно, подобное могло успокоить и утешить. Но Яна знала, что все это лишь красивая кулиса, прикрывающая неприятную правду – отныне ты всего лишь история, живой призрак. Луч софита больше никогда не согреет тебя своим светом.

Яна знала, потому что видела, как быстро и безвозвратно угасла Ольга Артышева, стоило ей сойти со сцены.

При мысли о собственном неизбежном будущем Яна покрывалась липкими мурашками. И все же было бы наивно надеяться избежать такой судьбы. Придет день, когда ее ноги потеряют силу и точность прыжка, и придется оставить сцену, уступить место более способной сопернице. Но Яна, по крайней мере, надеялась отдалить от себя этот миг. Потому каждый день она приходила в танцкласс раньше всех на дополнительный час занятий.

Эти часы, складываясь, укрепляли тело и умножались в преимущество перед другими. Никто не мог поспорить, что среди всех Яна была самой выносливой. А самой Яне эти занятия дарили толику покоя. Она не могла выиграть у времени, но по-прежнему была первой среди всех в этой борьбе за право воплощать собой Искусство.

Яна жадно глотнула воды. Ее дополнительный час подходил к концу. Тишина и пустота танцевального класса, так любимые Яной, постепенно растворялись с каждым вошедшим человеком, щелчком дверей, сказанным дежурным приветствием. К десяти часам зал обрел свое привычное, знакомое всем лицо.

Первое, что видишь, входя в танцкласс через массивные двойные двери – свое отражение. Ряд хореографических зеркал во всю стену делал класс визуально больше, и из раза в раз заставлял смотреть на себя самого. От зеркал, по боковым стенам расходились лучи балетных станков. На одной из боковых стен, над станками, висели в ряд большие фотографии известных балерин местного театра, включая Ольгу Артышеву. С другой располагались четыре крупных и всегда закрытых окна. Рядом с дверью стояла небольшая лавочка, где артисты переобувались и оставляли свои вещи перед занятием – телефоны, кофты, бутылочки с водой и прочую мелочь.

В углу просторного танцкласса стоял рояль. Его называли хрустальным из-за дизайна. Стенки корпуса из прозрачного материала безжалостно оголяли все внутренности инструмента. А необычные, плавные формы корпуса вызывали ассоциации с футуристическим будущим. Рояль подарили директору театра Бартынову два года назад, и, не считая людей, он был здесь самым новым предметом. Все остальное Яна видела здесь еще ребенком, когда приходила сюда на занятия со своей матерью.

За новым роялем, словно дань контрасту, сидела концертмейстер – Людмила Павловна, сбитая, неподвижная старушка, что вечно мерзла и куталась в шаль. Когда ее пальцы не касались рояля, Людмила Павловна прикрывала глаза, словно затухающий экран телефона. Будто у старушки было только одно предназначение – играть музыку. Яна никогда не видела ее в коридорах театра, только у рояля. Она появлялась к началу занятия, уходила сразу после и до следующего утра растворялась, как призрак. Почти мифическое существо.

Артисты в своей рабочей форме, – девушки в черных купальниках-боди и лосинах с шифоновыми юбками, а юноши в белых футболках и черных трико, – неторопливо выстраивались, каждый в свою линию. Кто-то лениво тянулся, кто-то переговаривался о своем.

— Что-то Инесса Трофимовна задерживается... — долетел до Яны голос Сонечки, молодой девушки, что танцевала в кордебалете первый год. Наивная, влюбленная в балет наверняка, как и все, она мечтала однажды стать примой. И пусть с техникой у нее все было вполне неплохо, сама Сонечка была слишком мягкой и слабой, чтобы исполнить свою мечту.

Яна бросила взгляд на большие круглые часы над входной дверью.

Большая стрелка уже стояла на двойке. Инесса Трофимовна редко позволяла себе опоздание в десять минут. Но больше Яну волновало другое опоздание. Она бросила недовольный взгляд на пустующее место в линии рядом с собой.

Дверь резко открылась. Все как по команде вскинулись, встали в подготовительную позицию, линии выровнялись, даже Людмила Павловна за роялем вздрогнула.

— Вольно! — жизнерадостно крикнул, влетевший в танцкласс, Паша.

Линии снова потеряли стройности. Людмила Павловна фыркнула и снова прикрыла глаза. Яна скрестила на груди руки.

— Ты опоздал, — тяжело уронила она, когда Паша, премьер их театра и партнер Яны, встал на свое место и стал торопливо разминаться.

— Всегда знал, что ты очень наблюдательна, — Паша улыбнулся так широко и дружелюбно, словно хотел пройти кастинг на рекламу зубной пасты. Яна знала, что многих балерин в театре эта улыбка трогала, но чувств этих не разделяла. Безалаберный, казалось, не относящийся к балету с должным уважением и трепетом, Паша вызывал у нее в лучшем случае раздражение. Правда, вместе с безалаберностью, к Паше прилагались отличные данные: талант, слух, пластика и выносливость.

Яна с радостью бы заменила его на кого-то другого, но, во-первых, решений она не принимала, а во-вторых, объективно, несмотря на свое отношение, парадоксально, Паша был лучшим танцором из всех в их театре.

— Тебе повезло, что Инессы Трофимовны еще нет. Тебе, может, и все равно, но, когда ты подставляешься сам, ты и меня подставляешь.

Удивительно, но слова задела его. Улыбка погасла, но отвечать Паша ничего не стал. Прекрасно знал, что ни одна балерина здесь, включая Яну, не может позволить себе того легкого к балету отношения, что позволял себе Паша. Конкуренция была слишком высока.

Мужчинами в их профессии не разбрасываются, особенно талантливыми. Девушек же, в отличие от юношей, даже самых талантливых и способных, в любом училище и театре было с избытком. Пусть Паша действительно хорош, но между ним и Юрой, что танцует его партию во втором составе – целая пропасть в навыках. Будь Юра женщиной, вряд ли бы дослужился до солиста и второго состава.

— Не понимаю, почему тебя все еще терпят здесь, — Яна понимала, но удержаться от колкости не смогла. Но Паша был странным, хотя бы потому, что на действительно обидные слова не обижался. Напротив, слова Яны его словно приободрили.

— Терпеть меня не можешь только ты, — на лицо вернулась его кастинговая улыбка. — А вот Бартынов как раз все понимает. Сегодня из Москвы приедут. Ну они на пару с Инессой решили, что опять за мной и минут сорок рассказывали, какой я ценный талант и как

меня любят зрители, — рассказывая, Паша картинно приложил руку к груди и прикрыл глаза, видимо, его тщеславие артиста такие разговоры здорово подпитывали. — Так что я не опоздал, а был на творческой встрече.

— Этого мне тем более не понять, — тут Яна уже не лукавила, — если тебя так ждут в Москве, то почему ты еще здесь?

Улыбка Паши не исчезла совсем, но вновь потускнела. Он пожал плечами.

— Кто-то же должен хорошо танцевать и здесь.

Яна не ответила. Она не понимала. Балетная сфера всегда была очень централизована. Все лучшие вузы в столицах, все лучшие артисты и театры — там же. Некоторые педагоги говорили, что их профессии просто нельзя учиться в провинции. Устремления Яны всегда тоже лежали в Москву или Петербург. Лучшие педагоги, сцены, возможности для развития, признание, все это было там.

Но Ольга Артышева не отпустила Яну пробоваться в Вагановку³, хотела обучить дочь сама, будто не доверяла никому, кроме себя, воспитать свое наследие. А для столичных театров, за редким исключением, вроде Паши, артисты других учебных заведений — провинциалы, просто не существовали.

И это не говорило о способностях Яны или других балерин ровно ничего. Талант и упорство остаются таковыми везде, где бы ни проросли, но, когда желающих танцевать балет много, даже среди талантливых и упорных начинается конкуренция. И столичным театрам вполне хватало своих балерин.

Артистам — мужчинам повезло больше. Не так много мальчиков в детстве хотят надеть трико, а в будущем красить лицо гримом. Стереотипы, маскулинность и влияние родителей, которые скорее отведут сына в спортивную секцию, делают карьеру в разы проще для того, относительного небольшого числа мужчин, которые все же приходят в балетную профессию.

Будь Яна мужчиной, ее таланта и упорства хватило бы, чтобы пробиться на лучшие мировые сцены. Будь у нее приглашение в Москву, как у Паши, она бы давно уехала. Но он безалаберный дурак, избалованный сложившейся ситуацией и собственным талантом, что с него взять?

Дверь громыхнула, и артисты вновь выстроились в ровные ряды, на этот раз не напрасно. В танцкласс вошла Инесса Трофимовна, невысокая женщина со сталью во взгляде. Ее лицо обрамляли короткие седые волосы, уложенные волнами. Строгое серое платье карандаш подчеркивало в фигуре гордость, аристократизм и высокомерие. Легкий платок изящно обвивал шею, а на левой руке сверкал крупный перстень с топазом, словно Инесса Трофимовна не балетмейстер, что пришла руководить театральной репетицией, а кто-то из приближенных королевской семьи Англии и заглянула сюда с приема.

Она сдержанно кивнула Людмиле Павловне за роялем. Затем повернулась к артистам. Ее взгляд медленно скользил от одного к другому. Будто люди перед ней были экспонатами, а она — оценщиком, решающим, достойны ли они находиться здесь, в ее коллекции театральных драгоценностей.

— Надеюсь, у всех было достаточно времени, чтобы размяться, — в голосе та же сталь, что и во взгляде. Ответом ей была наэлектризованная тишина. — Людмила Павловна, будьте добры поклон!

³ «Вагановка» — это распространенное неофициальное название Академии русского балета имени А. Я. Вагановой. Это одна из старейших (основана в 1738 г.) и самых престижных балетных школ в мире, расположенная в Санкт-Петербурге. Академия готовит артистов балета высшей квалификации и носит имя выдающегося педагога Агриппины Вагановой.

Под знакомую и уже, кажется, вьевшуюся в голову мелодию, артисты, все как один исполнили поклон. Может, потому в образе Инессы Трофимовны было что-то аристократичное? Легко поверить, что ты лучше и исключительнее, когда каждый день толпа замирает при твоём появлении и кланяется тебе по команде.

— Начнем с главной партии Павла и Яны, — распорядилась Инесса Трофимовна. — Дальше второй состав, потом – кордебалет. Готовьтесь, пожалуйста.

Все, кроме Яны и Паши, разошлись по периметру класса. Единственное время, когда в присутствии Инессы Трофимовны, можно было сесть, не держа осанку или позицию. Все внимание балетмейстера уходило на тех, кто в данный момент работал на площадке.

Людмила Павловна, оставаясь внешне безэмоциональной, играла с чувством, извлекая из новомодного рояля звук.

Яна сделала первое движение, затем второе. Тело помнило партию, и элементы давались легко.

— Отлично, Яночка!.. — вставляла поперек музыки Инесса Трофимовна. Но Яна едва слышала, сосредоточенно выполняя движение за движением, четко и лаконично. Нужно было первоклассно исполнить не только хореографическую, но и эмоциональную партию. Достоверно изобразить наивность и влюбленность. Каждый взмах ресниц, улыбка и взгляд, тоже идеально выверенная эмоциональная хореография, настоящее Искусство.

Из дальнего угла класса за партией наблюдали три балерины. Одна из них, Женя, высокая, медноволосая, с ногами крепкими и острыми, как два кинжала, смотрела на танец Яны и Паши недовольно и голодно.

— Так хорошо, что аж тошно... — скрывать в голосе зависть Женя даже не планировала. — Когда ее уже в Москву заберут?

Когда прошлая прима ушла и произошла смена поколений ведущего состава, Женя танцевала в театре только первый год, поэтому, несмотря на способности, ее не взяли на ведущие роли. Яна в тот год стала примой, а Маша – первой солисткой. Женя немного опоздала, и это определило всю ее балетную судьбу на долгие годы – она застряла в корифеях⁴ и только время от времени танцевала небольшие сольные номера.

Женя смотрела и видела, что ничем не уступает, – Маше уж так точно! – только вот... и не превосходит. Шла ровно, ноздря в ноздрю, и этого не хватало, чтобы впечатлить Инессу Трофимовну и что-то изменить. Недостаточно делать просто хорошо, нужно из раза в раз впечатлять. И Женя старалась, но выходило просто хорошо. Ожидаемо хорошо. А значит – недостаточно.

— Да там таких Артышевых, — тут же отозвалась Олеся, поправляя темный пучок зализанных волос. — Куда ни плюнь, везде прима. Это здесь она ангел неземной, а там... Местным будет так, на закуску.

Олеся стала для Жени идеальной наперсницей. Способностями она уступала и конкуренции как таковой составить не могла. А лучше всего было то, что Олеся уже сдалась. Неявно, но Женя видела по ее потухшим глазам, по абсолютно уничтоженным амбициям, что она уже смирилась с ролью балерины из кордебалета, а максимум ее мечтаний – стать корифеем. Место, которого Женя добилась почти с легкостью, и не опоздай она, давно бы занимала место Маши, танцевала сольно и, возможно, стала бы примой. Олеся же всегда будет плестись позади, не

⁴ Корифей — это ведущий артист или артистка кордебалета, занимающий промежуточное место между рядовыми танцовщиками и солистами. Корифеи танцуют в первой линии, исполняют небольшие сольные партии, а также малые ансамблевые танцы (двойки, тройки, четверки).

представляя угрозы. Та, конечно, все это прекрасно понимала, но сделать ничего не могла и потому выплескивала всю обиду, отчаяние и зависть через язвительные замечания, так что Жене с ней никогда не было скучно.

Сонечка, третья балерина рядом и самая младшая из всех, укуталась в мягкий розовый кардиган поверх формы, бросила на Яну взгляд и робко спросила:

— А мы там тогда кто?

Сонечка танцевала в театре первый сезон, и Женя все никак не могла взять в толк, почему она набивалась в подружки именно к ним с Олесей, но слушать и высмеивать ее глупости было забавно, и потому они ее не гнали.

Но иногда она задавала вот такие вопросы, от которых становилось горько и досадно. Женя и Олеся переглянулись молча, скривив лица, а Сонечка, заметив, потупила большие светлые глаза.

— Хорошо! Очень хорошо! — Инесса Трофимовна хлопнула в ладоши. Музыка по команде остановилась, Яна и Паша тоже замерли. — Пока хватит. Второй состав, Мария и Юрий, пожалуйста.

Женя отметила, что Яна подчинилась, но, как и всегда, нехотя, с досадой. Словно даже на репетиции не хотела пускать никого на свое место. Женя знала, что Яна отрабатывает элементы танца по утрам до занятий, и ее одиночные партии были великолепны, но Пашу в такую рань не мог притащить в театр никто, а потому между одиночными и парными партиями Яны была разница. Вряд ли заметная простому зрителю, но Жене и, наверняка Инессе Трофимовне, очевидная. Возможно, потому Яна так ревностно относилась к парным репетициям, не хотела отдавать это время, наблюдала за танцем второго состава пристально, как коршун, оценивала, сравнивала и периодически бросала недовольные взгляды на Пашу, который занимался чем угодно – пил воду, протирал лицо, разглядывал сотни раз виденные фотографии, – но только не смотрел на танцующих.

— Ничем они не лучше меня, — тихо проговорила Женя. И много кто мог с ней согласиться. Женя обладала всем, чем нужно, чтобы стать лучшей. Талантом, целеустремленностью, упорством, но ничего из этого не помогло ей добиться желаемых ролей. И по итогу она не обладала ничем.

— Может, — осторожно проговорила Сонечка, — Инесса Трофимовна видит что-то, чего не видим мы? Или дело в ее утренних занятиях?

— Ну да, конечно, — фыркнула в ответ Женя. — Выглядит со стороны это, конечно, потрясно. Посмотрите, Яна Артышева занимается по утрам, она трудится больше всех! Да вот только работает это только в кино. На деле же после определенного уровня навыки становятся частью тебя, автоматическими, и обычных репетиций достаточно для их поддержания, а вот тело изнашивается быстрее. Посмотрим лет через пять, у кого будут живые колени, чтобы танцевать.

Женю злили собственные слова. Бесило, что она опускается до унижительной надежды, что ее конкурентка по глупости уничтожит саму себя.

Когда Женя только пришла в театр, она знала, что ее ждет беспощадная борьба за роли и карьеру. И была готова и к тяжелому труду, и к давлению. Но реальность оказалась более жестокой. Мир, в котором, если ты пришел в театр не вовремя, от тебя и твоего труда ничего не зависит, а твои собственные амбиции, не находя выхода, травят тебя и уродуют.

Паркет вдруг оглушительно скрипнул. Не так, как должен был. В секунду танцующая пара потеряла равновесие во время поддержки и, со всей силы вращения, рухнула, как подбитая башня. Маша вскрикнула и поджала к себе ногу задрожав.

Музыка оборвалась, началась суета. Юра с паникой в глазах бросился за аптечкой.

У Жени внутри что-то екнуло. Но не от страха – это была надежда, предвкушение. Она переглянулась с Олесей и увидела, что в чужом лице, как в зеркале отражается то же чувство. Ну конечно, если Женя поднимется выше, Олесе будет проще получить место корифея. На мгновение Женя задумалась, что втайне Олеся наверняка ее ненавидит, но тут же отмахнулась от этой мысли. Чувства тех, кто позади, не должны ее волновать.

Суету разрезал тяжелый приказ Инессы Трофимовны:

— Покажи.

Артисты плотным кружком окружили Машу. Женя протиснулась как можно ближе, чтобы видеть все своими глазами. Маша поджала под себя ногу и смотрела снизу вверх испуганно, забито, и в этот момент больше напоминала маленькую девочку, чем взрослую балерину, солистку второго состава. Но Инесса Трофимовна была равнодушна и неумолима.

— Показывай давай.

Когда Маша наконец решилась и показала травмированную ногу, Инессе Трофимовне хватило десяти секунд, чтобы вынести свой приговор:

— Это надолго, нужно заменять.

— Нет! — окрик Маши вышел больше отчаянным, чем возразительным. — Не надо! Мне буквально денек и восстановлюсь...

Но Инесса Трофимовна уже потеряла к Маше интерес, как теряют его к сломанной, легкозаменяемой, вещи.

— Проводи ее, — бросила Инесса Трофимовна Юре, который так и застыл с тающим льдом в руках.

Юра помог Маше подняться. И чем ближе они приближались к выходу, тем сильнее Маша плакала.

— Это все ты!.. — сдавленно бросила она у самого выхода. Слова предназначались идущему рядом Юре, но слышали их все. Женя не видела выражения его лица, но заметила, как тот оцепенело замер на несколько мгновений, прежде чем двинуться дальше. Когда они скрылись в коридоре, плач Маши еще долго доносился до танцкласса.

Инесса Трофимовна отошла ближе к роялю и стала что-то быстро набирать в телефоне.

— Репетиция превращается в какой-то фарс!.. — она сказала это вслух, как будто никому и всем одновременно. В ее голосе не было сочувствия, лишь досада. И у Жени похолодело внутри от этих слов. У Маши, возможно, только что закончилась ее балетная карьера, но Инессу Трофимовну волновала лишь репетиция.

— Какой кошмар... — шепнула Сонечка. Ее ясные глаза налились крупными слезами.

Женя опомнилась. Ей не должно быть дела до Маши, Инессы Трофимовны или чего-то еще. Это удел всяких Сонечек страдать и переживать. Ей же подвернулся шанс, и она должна им воспользоваться.

— Для кого кошмар, а для кого – возможность, — Женя встала в линию, собранней прежнего. На ее губах проступила чуть заметная улыбка. — На этот раз место точно мое.

И пусть возможность низкая, пусть думать так подло, Женя гнала от себя эти мысли. Она не могла позволить себе упустить такой шанс.

Паша, видимо, услышав ее слова, вдруг обернулся, взглянул на Женю тяжелым осуждающим взглядом, а затем наклонился к Яне и шепнул:

— Это действительно случайность или кто-то постарался?

Женя сжала кулаки. Она бы никогда до такого не опустилась. Надеяться на подобное и делать – разные вещи. А Паша, избалованный профессией самородок с нужными гениталиями, не мог ее понять и тем более не имел права осуждать за надежду и радость.

Яна в ответ взглянула на него скептически.

— Не похоже на тебя строить теории заговоров. Юра и Маша просто расслабились. Мало тренировались, Юра потерял центр тяжести, вот и все.

Женя мысленно согласилась. Яна бесила ее, но хотя бы не была дурой.

— Можно и отдохнуть немного, добившись результата, — неуверенно возразил Паша.

— Вот и смотри, к чему приводят такие мысли. Ошибка Юры, а сломалось все для Маши. Ты тоже мало репетируешь, — Яна вдруг повернулась и посмотрела Паше прямо в глаза. — Уронишь меня, и я никогда тебя не прощу.

Лицо Паши словно заострилось. Этот добродушный баловень редко злился.

— Я никогда тебя не уроню, — прозвучало как обещание или даже клятва. И Женя почувствовала легкий укол зависти. Если она получит второй состав, ее поставят с Юрой, который мог и ее уронить. Но Паше почему-то верилось, и дело бы даже не в его способностях, что-то было в нем такое, неуловимо надежное. Такая надежность тоже помогала оттачивать мастерство и становится лучше. И все это снова досталось Яне.

Когда Юра вернулся в танцкласс, труппа успела дважды пройти женскую партию кордебалета.

Инесса Трофимовна дала знак Людмиле Павловне, музыка стихла. Балетмейстер выжидательно смотрела на Юру.

Лицо его было потерянное, напуганное. Казалось, что он сам едва держится от того, чтобы не разрыдаться.

Яна бы пожалела его, но, честно говоря, Машу ей было жаль больше. Никто не застрахован от такого, когда чужая ошибка и одна травма перечеркивают годы труда. Конечно, со временем Маша, скорее всего, вернется, но будет ли она в той же форме, сможет ли соперничать с той, кто займет ее место?

Потому заверения Паши Яну не трогали и не убеждали совершенно. Как бы он ни был уверен в себе, как бы ни был умен, все совершают ошибки. И балет просит за них высокую цену.

— Приехали родители Маши, повезли ее в травмпункт, — тихо проговорил Юра. — Но она сказала, что нога почти не болит и она может...

Инесса Трофимовна вскинула руку. От этого знакомого, въевшегося в самую душу, жеста, по спине Яны пробежали неприятные мурашки. А Юра тут же замолк и понуро встал на свое место. Место Маши пустовало, но всем было очевидно – ненадолго.

— Нет времени ждать, — резюмировала Инесса Трофимовна. — Травма есть травма, и каждый из вас это понимает. Пусть лечится и возвращается в строй. А пока нужно назначить новую исполнительницу второго состава, постройтесь.

Яна ощутила в теле легкую дрожь, мурашки снова пробежали по рукам. Инесса Трофимовна наверняка уже определилась, пока Юры не было, и только ждала его возвращения. Кого выберут следующей? Яна чуть скосила взгляд, туда, где стояла Женя.

Способная, талантливая и очень голодная Женя, безусловно, жаждала места примы. И могла на него претендовать. Назначение новых людей – всегда волнительный момент. Будут ли ее вариации танцев настолько хороши, что Инесса Трофимовна решит поменять их местами? Хватит ли Жене сил сбросить Яну во второй состав?

Маша, получив второй состав, успокоилась, кажется, полностью удовлетворившись, но Женя точно так не поступит. Яна нервничала от роящихся в голове вопросов и мыслей.

Балет – это профессия, где сколько бы ты не работал, чего бы не достиг, это никогда не сможет обезопасить тебя от талантливых соперниц, наступающих на пятки.

Яна прерывисто выдохнула. В линии она стояла первая, не видела лиц, но чувствовала, как все дрожит от напряжения у нее за спиной.

Инесса Трофимовна смотрела Яне за спину, неторопливо и придирчиво оглядывала каждую претендентку. Наконец, ее взгляд остановился на Жене, – Яна поняла это по направлению взгляда и в звенящей тишине услышала, как та вздохнула.

Как только Инесса Трофимовна открыла рот, даже Яна, казалось, чуть-чуть вытянулась, ловя ее слова.

Ну же...

Дверь с шумом распахнулась. В танцкласс вошел Бартынов, грузный мужчина под пятьдесят, художественный руководитель театра, редкий гость в такое время и в таком месте.

— Инесса Трофимовна, вы мне нужны.

Губы Инессы Трофимовны сжались в тонкую полоску. Она недовольно повернулась к худруку.

— У меня класс. Ради московской делегации я не собираюсь его прерывать.

Инессу Трофимовну раздражали две вещи – столичные балетные, которые считали, что делают честь, просто входя в провинциальный театр, и когда ей мешают вести репетиции. Сегодня выходил на редкость неприятный день.

— Я все понимаю, — мягко произнес Бартынов, но мягкость эта была притворной. — Но дело не в делегации. Вы *должны* это увидеть.

Бартынов и Инесса Трофимовна представляли собой странный симбиоз. Бартынов, безусловно, был главнейшим человеком в театре, и Инесса Трофимовна, чаще с недовольством, но подчинялась заведенным в театре правилам, но только пока дело не касалось самого балета. Здесь безраздельно властвовала уже она сама, и уже Бартынов не лез в ее дела, хоть иногда и снисходительно называл ее решения и правила «закидонами». Не прерывать занятия – было одним из них. Сегодня же что-то в выражении лица Бартынова говорило, даже кричало, произошло что-то настолько из ряда вон, что это стоит того, чтобы прерваться.

Яну охватило плохое предчувствие. Все сегодняшнее утро, начиная с глупой костюмерши, шло как-то не так.

— Хорошо, — сдалась Инесса Трофимовна, на ее лице отпечаталось сдерживаемое раздражение. — Потратьте это время с пользой, — бросила она артистам и вместе с Бартыновым скрылась за дверью.

Стоило им выйти, как танцкласс потонул в гуле голосов. Уже никто не надеялся сохранить хотя бы видимость работы.

— Она почти назвала меня! — раздраженно воскликнула Женья. — Что могло там случиться?!

— С чего ты взяла, что тебя? — в голосе Олеси прорезались ревнивые ноты. — Она же не сказала.

Яна заметила, как Женья бросила полный угрозы и ярости взгляд.

— А что, думаешь, тебя?

Олеся в ответ ядовито усмехнулась.

Яна молчала, отчего-то не в силах шевельнуться. Прямо сейчас там происходит что-то важное и неотвратимое. Яна не могла объяснить, откуда взялось это чувство, но оно не отпустило, побуждая сделать что угодно, лишь бы немедленно и в то же время, оно же пригвоздило ноги к полу, не давая двинуться. Тело словно стало клеткой, заперло Яну внутри себя.

— Паш, — раздался рядом разбитый голос Юры, — кто там приехал? Какая-то проверка?

— Не знаю, — Паша пожал плечами, он единственный выглядел расслабленным. — Ничего такого мне не говорили.

— Бартынов так редко прерывает Инессу Трофимовну... Там что-то серьезное, — Сонечка нервно переминалась с ноги на ногу. Даже она, новенькая, чувствовала что-то неладное.

Театр не любил перемены. Так или иначе, они всегда разрушали что-то в нем самом. И никому не хотелось быть этим чем-то.

Тревожное чувство взвилось внутри Яны до предела, она, наконец, смогла шевельнуться и тут же решительно направилась к двери.

Нужно было узнать, что происходит, унять это чувство тревоги.

— погоди, — Паша поймал ее за запястье. — Не надо. Вдруг заметят? Ты же знаешь, что с этим строго... Зачем рисковать, позже все равно узнаем, если это нас касается.

На мгновение показалось, что Паша солгал и что-то ему все же известно, но в его взгляде было только беспокойство и никакой хитрости. Такому, как Паша, возможно, действительно можно было не рисковать. Но Яна чувствовала, что должна была узнать, в чем дело.

Она одернула руку. Паша больше не пытался удержать, но взгляд его потускнел. Яна молча направилась к двери.

— Пусть идет, если так хочет, — долетел в спину голос Жени.

— Может, ее, наконец, уберут, — подхватила Олеся. — Нашу недосыгаемую.

— Смотри, как бы тебя не убрали, — вдруг шикнул в ответ обычно доброжелательный Паша.

Смех Олеси Яна оставила за закрытой дверью танцкласса.

Бартынов и Инесса Трофимовна уже успели уйти, и коридоры театра окутывала тишина. Яна осторожно шла вперед и жадно прислушивалась, стараясь уловить, куда именно ушли худрук и балетмейстер.

Наконец издалека она разобрала их голоса и двинулась уже быстрее, почти бегом, боясь упустить.

Звуки шагов Инессы Трофимовны и Бартынова уходили наверх, туда, где располагалась малая сцена. Это было небольшое помещение с маленьким сценическим возвышением и зрительным залом всего на сорок человек. Обычно его использовали для творческих встреч, интервью или показов хореографических вариаций, когда основная сцена была занята.

Как только Инесса Трофимовна и Бартынов скрылись за рабочей дверью на малую сцену, Яна тут же приблизилась. Повезло, что дверь, как и многое в не зрительской части театра, была старая, разошедшаяся и плотно не закрывалась, образуя зазор. Яна приоткрыла дверь, заглянула внутрь и пораженно замерла.

На крошечной сцене в белом круге софитного света стояла молодая, незнакомая Яне балерина. Белоснежная пачка окутывала хрупкую фигуру и даже немного слепила. Казалось, что и сама девушка источала мягкое, теплое сияние. Светлые волосы были убраны в прическу, яркие голубые глаза подчеркивал аккуратный, сценический макияж. Незнакомка будто готовилась выйти на сцену с минуты на минуту.

Ее идеальное, фарфоровое лицо не выражало ничего, и в то же время словно несло в себе отпечаток глубины и мудрости всего мира. Яна не могла оторвать от незнакомки застывшего взгляда, а неприятное, тревожное чувство внутри заскребло с новой силой.

— И все же я не понимаю, — голос Инессы Трофимовны был пропитан растерянностью, чувством, которое она редко себе позволяла. И эта растерянность уже сама по себе заставляла Яну нервничать. — Что здесь делают представители технической отрасли?

Яна еще не до конца осознала весь ворох своих чувств и ощущений относительно незнакомой балерины, как звуки другого голоса из зрительного зала заставили ее оцепенеть.

— Позвольте, я вам покажу, — мягко произнесла девушка. Этот голос Яна могла узнать из сотен других, но отчаянно надеялась, что обозначась.

Яна завозила у двери, попыталась сменить угол, чтобы увидеть лицо говорившей. Но ограниченный обзор не позволял разглядеть что-то еще, кроме изящной незнакомки в балетной пачке.

Оказалось, именно туда ей и нужно было смотреть.

До этого момента балерина не шевелилась и, казалось, не дышала, больше напоминая изящную фарфоровую куклу, чем человека. Но теперь вдруг вздрогнула, будто невидимый кукловод дернул ее за нить. Балерина вытянула вперед левую руку. От тонкого запястья, казалось, из ниоткуда, вдруг поползла черная полоса и замерла у сгиба локтя. Затем кожа, ровно по этой линии вдруг резко отделилась от тела, отъехала в сторону, — Яна едва не вскрикнула, — и явила под собой не плоть и кровь, а провода и микросхемы.

Несколько мгновений царила тяжелая тишина.

— Это... это какая-то шутка? — Инесса Трофимовна совсем растеряла самообладание и готова была взорваться яростью.

— Все нет, — так же мягко, даже успокаивающе произнесла девушка. Затем она вдруг шагнула под свет софитов и, оказавшись возле балерины, заботливо положила руки ей на плечи. Карие глаза девушки живо сверкнули за стеклами очков, копна русых кудрей упала на плечи.

Что-то внутри Яны болезненно сжалось. Ошибки быть не могло, это — *она*.

Девушка тем временем продолжила:

— Это андроид — человекоподобный робот. Сложный, и совсем не шуточный. Модель BW423-313. Но мы зовем ее проще — Аня.

— Господи Боже... — выдохнула Инесса Трофимовна. — Это... она же как живая... кошмар...

Балерина никак не отреагировала, а девушка улыбнулась, будто приняла сказанное за похвалу.

— Мы с командой компании «Заслон» приложили много усилий, чтобы визуально Аня не отличалась от обычного человека, — в ее голосе проступало все больше увлеченности и энтузиазма. — Она реагирует на голосовые команды.

Девушка коснулась пальцами пластины, отделенной от руки андроида, легко нажала, и та закрылась, сделав балерину вновь неотличимой от обычного человека. Девушка отошла, снова скрывшись от глаз Яны, и сказала: — Аня, сделай, пожалуйста, тридцать два фуэте⁵. Двойных⁶.

Яна вздрогнула. Исполнить четыре-пять двойных вращений и не потерять равновесие, могла не каждая известная балерина мирового уровня. Сама Яна могла исполнить не больше двух двойных и только подходила к трем, но еще чувствовала себя в элементе ненадежно, потому пока только тренировалась на репетициях. Исполнить больше шестнадцати двойных не удалось ни одной артистке в мире. Это невозможно.

Балерина встала в четвертую позицию, толкнулась и сделала первый оборот. Ее до этого бесстрастные глаза вдруг наполнились чувством, и даже так, без музыки передавали эмоции, живые и глубокие, от которых замирало сердце.

⁵ От фр. (fouetté) Виртуозный элемент классического балета, представляющий собой быстрые, последовательные повороты на одной ноге (на пуантах или полупальцах) на одном месте. При каждом обороте на 360° работающая нога делает мах (движение хлыста) и приводится к опорной ноге, помогая совершать вращение.

⁶ Двойные фуэте — это усложненная балетная техника, при которой балерина совершает два полных оборота (720°) на пальцах одной ноги за один цикл движения (плие и мах), вместо одного классического оборота. Это виртуозный трюк, требующий исключительной силы, баланса и скорости.

Затем Яну захлестнуло восхищение. Она считала обороты. Три, четыре, пять... Балерина не сдвинулась с точки ни на сантиметр. Десять, одиннадцать... Ее движения, уверенные и точные, завораживали. Девятнадцать, двадцать... Яна перестала дышать.

Тридцать два...

Балерина замерла. Ни тени загнанного дыхания, ни намек на потерю равновесия. Идеальная техника. Нечеловеческая.

Следом за восхищением, Яну пронзил страх. Сколько бы она ни тренировалась, ей в жизни не исполнить тридцать два двойных фуэте. Не поможет ни усердие, ни талант. Не только она, никто из живых людей так не сможет.

Все тело Яны охватила дрожь. Повисла долгая зловещая тишина.

— Она... — голос Инессы Трофимовны тоже дрожал, и впервые Яна понимала ее так хорошо. — Она не дышит...

— Да, точно! — легко, словно опомнилась, отозвалась девушка. — Аня, включи, пожалуйста, имитацию дыхания.

Грудь балерины тут же толкнулась, будто пыталась набрать как можно больше воздуха. Идеальный силуэт искривился, будто от усталости и потерял эту нечеловеческую идеальность. Так она стала куда больше походить на человека.

— Хотите попробовать? — спросила девушка. Инесса Трофимовна молчала, наверняка пораженная тем, что увидела. Яна хотела попросить и эту балерину, и ее – исчезнуть. Забрать тот благоговейный ужас, который поселился в теле от увиденного.

— Да... Ммм. — Бартынов не казался сраженным, но едва ли находил слова. — Пусть, может... Умирующий лебедь⁷? Такое может?

Яна едва подавила нервный смешок. Серьезно? Умирующий лебедь после этих чудовищно потрясающих фуэте?

Но девушка приняла вопрос всерьез.

— В ее карту памяти загружены все варианты выступлений, когда-либо снятые на камеры. Все, что мы смогли найти в мировом интернете и архивах. Хотите взглянуть на вариант Майи Плесецкой⁸?

— Да неужто? Ну, давайте, давайте... — В голосе Бартынова мешался и страх, и азарт, и даже восторг ребенка, которому подарили радиоуправляемую машинку. И, кажется, это было не так далеко от истины.

— Аня, будь добра, танец умирающего лебедя Майи Плесецкой.

Заиграла знакомая до боли музыка. Яна сначала не поняла, откуда шел звук, а потом с ужасом осознала – прямо от тела балерины.

До нужного вступления было несколько мгновений, но балерина зачем-то взмахнула руками, и по ее телу тут же прошла заметная, крупная дрожь. После этих странных телодвижений балерина замерла и встала в подготовительную позицию. И тогда Яна заметила – балерина, еще несколько мгновений назад бывшая точно выше Майи Плесецкой, вдруг стала ее роста, ее комплекции.

Клубок чувств снова зашевелился внутри Яны. Трепет, зависть, страх, благоговение.

А затем балерина, андроид, Аня – чем бы ни было это нечто, начала танцевать.

⁷ «Умирующий лебедь» — это знаменитая хореографическая миниатюра, поставленная Михаилом Фокиным в 1907 году для Анны Павловой на музыку Камилля Сен-Санса (из сюиты «Карнавал животных»). Это символ русского балета, олицетворяющий хрупкую красоту, борьбу за жизнь и неизбежность смерти. В отличие от классического балета, акцент сделан не на ногах, а на выразительных движениях рук, имитирующих крылья. Балерина почти непрерывно движется на пуантах, создавая иллюзию скольжения по воде.

⁸ Майя Михайловна Плисецкая (1925–2015) — выдающаяся советская балерина, прима Большого театра (1948–1990), хореограф и балетмейстер, одна из величайших балерин XX века. Прославилась невероятным творческим долголетием (танцевала почти 60 лет), феноменальным прыжком и гибкостью.

Ракурс был другой, но Яна знала видео этого танца Плесецкой едва ли не наизусть и не сомневалась – Аня исполняет точно каждый жест вплоть до движения мизинцев. Ее лицо озарилось эмоциями. Драматичными, каких не бывает в жизни – их сценическими двойниками, но парадоксально все равно настоящими, живыми, такими, ради которых зрители ходят в театры и смотрят постановки. Эмоциями, глядя на которые начинает чувствовать даже самое равнодушное сердце.

Когда партия кончилась, и музыка затихла, Яна не могла унять собственную дрожь. Ее ладонь, которой она упиралась в стену у двери, вспотела и соскользнула. А в голове нарастала пульсирующая боль.

— Да, это, конечно... — Бартынов вновь заговорил первым, возможно потому, что не мог в полной мере оценить, что сейчас увидел. — Впечатляет. Неужели, робот? И что, взаправду знает все партии? Что еще она умеет?

— Она не устает, не нуждается в пище или сне. Ее тело может видоизменяться. Становится крепче, выше или ниже, если того требует постановка. Иными словами – она идеальная балерина.

Бартынов поднялся из зрительского кресла и приблизился к Ане, обошел ее по кругу, разглядывая, как диковинку, достал из кармана костюма платок и промокнул вспотевший лоб салфеткой.

— Это... Даже не знаю, как это выразить. Как говорят, ново и свежо? Потрясающе, — наконец он оторвал взгляд от балерины и посмотрел в сторону, видимо, туда, где стояла девушка. — Но чего вы хотите? Зачем показали нам все это чудо?

— Нам нужно провести тестирование, прежде чем мы представим проект инвесторам в Москве. Скажем, она поработает здесь, у вас. Пару месяцев. А мы посмотрим, как проходит работа с ней в реальных условиях. Все расходы мы берем на себя. Вы можете ставить с ней спектакли, на прибыль мы не претендуем. Нам нужны только данные и конфиденциальность. Что скажете?

Бартынов снова промокнул лоб. Все мысли читались по его лицу как открытая балетная программка. Он уже просчитал, насколько выгодным было это предложение.

— Скажу, что сегодня к нам шагнуло будущее! — торжественно произнес он. — По рукам. Добро пожаловать в театр!

— Подождите! Подождите, так сразу, с наскока! — Инесса Трофимовна, кажется, пришла в себя и тоже оказалась рядом с Бартыновым. — Может, она и сделает все элементы, но она... — Инесса бросила на Аню пренебрежительный взгляд. — Это просто электроника... Балет всегда был полон традиций, сам балет и есть старейшая традиция. И делать его технологичным... Это буквально осквернение балета.

— Уверяю, когда вы попробуете, то точно поймете, что это не так, — от этих мягких интонаций девушки у Яны свело челюсти.

— Инесса Трофимовна... — елеинно произнес Бартынов. — При всем уважении, вы прекрасно разбираетесь в балете, но вокруг балета есть еще другой мир. То, что это исследование хотят сделать у нас – настоящий подарок. Если мы откажемся – согласятся другие. Так или иначе, очевидно, этот прогресс придет в балет, затронет его. Но мы с вами будем в арьергарде, будем театром, который в числе первых ознакомится с технологией. Возможно, мы откроем новые художественные решения. Только представьте, какая это возможность! Традиции балета и современные технологии! В худшем случае, — он развел руками, — ничего не изменится. Мы просто окажем гостеприимство на пару месяцев. Но в лучшем... Это потрясающие перспективы.

Злость вскипала в Яне с каждым произнесенным словом. Инессу Трофимовну его слова тоже не проняли, ее губы сжались в тонкую полоску, в глазах плескалось пренебрежение. И тогда Бартынов выложил свой последний козырь:

— Вы ведь давно хотели воссоздать исторический спектакль в духе старого времени. Ваши эти, — Бартынов завертел рукой в воздухе, — винтажные хореографические рисунки, да?

Инесса Трофимовна скривилась.

— Хотела, — нехотя подтвердила она.

— И ведь говорили, что главная проблема – нет подходящих балерин. Никто не танцует, как раньше. Сейчас другая пластика, другой шаг, верно? Посмотрите на это чудо еще раз, — он качнул головой в сторону андроида, — и вы увидите свою возможность.

Инесса Трофимовна снова взглянула на андроида. Лед в ее глазах подтаял от тепла интереса. Она помолчала еще несколько мгновений и, наконец, приняла решение.

— Хорошо... Давайте попробуем.

И чувства вскипели внутри Яны до ста. Ее будущее, ее роли, ее возможности – кажется, она буквально видела, как все это отнимали и передавали в руки бездушной машины. Никто не сможет тягаться на сцене с тем, что Яна увидела сегодня. Она должна была помешать этому, должна была остановить здесь и сейчас.

Яна поднялась, распахнула дверь и ворвалась внутрь, как буря.

— Что еще за дух старого времени?! Что за бред! — Яна впервые позволяла себе такую грубость в отношении Инессы Трофимовны, но не могла остановиться, ее распирала ярость. — Танец есть танец! Балет в прошлом танцевали люди, а все, что делали люди, могут повторить и современники! В театре полно балерин, которые захотят и смогут танцевать в этой исторической постановке!

Инесса Трофимовна покрылась алыми пятнами. Она уже хотела открыть рот, но Бартынов опередил ее.

— Что вы здесь делаете, Яна Валерьевна? — голос худрука звучал мягко, но ноты его были угрожающими.

— А вы что делаете?! Собираетесь взять в труппу *это*? А как же настоящие балерины, которые отдали балету всю жизнь!..

Яна заметила, как на этих словах карие глаза девушки сузились, а ее губы искривились то ли в усмешке, то ли в горькой ухмылке.

— Яночка, — пропорции мягкости и угрозы в голосе Бартынова стремительно менялись в сторону последнего, — чего ты так переживаешь? Просто будь самой лучшей. Как и всегда. Это эксперимент, только и всего.

— Вы же понимаете, что это значит. Это проект, и, если он будет успешным, такие балерины заполнят театры – это лишь вопрос времени!

Бартынов вдруг вскинул вверх руку. Этот жест, тот самый жест, он использовал редко, но знал, что работает он безотказно. Яна застыла и замолкла на полуслове.

— Хватит! Идите репетировать, Яна Валерьевна! И помалкивайте. Если хоть один человек узнает, можете попрощаться с этим театром.

Яна сжала кулаки, удерживая рвущуюся наружу ярость.

— Вы помните наше условие? — спокойно спросила девушка, будто все происходящее ее не касалось, и это не она была виновницей конфликта, будто не понимала, что делает. Яна бросила на нее полный ненависти взгляд. — Конфиденциальность. Вы, конечно, уже подписали документ о неразглашении, иначе я бы ничего не показывала, но... Вы точно сможете сохранить все в тайне? Сможете гарантировать это?

— Не волнуйтесь об этом, — голос Бартынова снова пропитался мягкой елейностью. — Все будет в лучшем виде. Извините за эту сцену.

— Мне нужен будет кабинет.

— Конечно, я все организую.

Они говорили так, словно Яны здесь не было. Словно ее слова не значили ничего. Яна взглянула на Аню, которая наблюдала за сценой, но оставалась совершенно бесстрастной, просто послушной куклой. Яна вдруг поняла, что выглядит сейчас точь-в-точь как она. Послушной марионеткой. И это разозлило ее еще больше. Голосом, полным раскаленной стали, она произнесла:

— Я не отдам этой пустышке свое место.

Глава 2

Стоило Яне вернуться в танцкласс, как ее тут же обступили артисты. Кружок получился удушающий, давящий. Со всех сторон посыпались вопросы.

— Ну что там?

— Ян, что случилось? Ты бледная...

— Узнала что-то?

Яна двинулась вперед, как ледокол сквозь арктическую толщу.

— Если вам так интересно, сами идите и смотрите!

Паша, все это время стоявший поодаль, проводил Яну внимательным, полным беспокойства взглядом. Когда он смотрел так, будто глазами укутывал ее в теплый плед, Яне становилось не по себе. Она не мерзла, ей было без надобности. Лучше б он ходил утром на дополнительные репетиции.

Она прошла к лавке с вещами, взяла бутылку и сделала щедрый глоток, стараясь не сталкиваться ни с кем взглядом. Артисты, не дождавшись ответа, переглянулись, кто с осуждением, кто с насмешкой, и разбрелись по своим местам.

— Может, ее все-таки увидели и сняли с роли? — предположила Олеся, она знала, что Яна ее слышит, но, кажется, от этого ей было даже приятнее. Яна же не обращала внимания, уж кто, а Олеся точно этого не стоила.

— Ага, мечтай, — с досадой ответила Женя. — Максимум выговор сделали...

— Никогда не видела ее такой... растерянной, — сочувственно заметила Сонечка.

Яна поморщилась. Уж какой, а вот растерянной она точно не должна выглядеть ни перед кем. Она метнула в Сонечку полный угрозы взгляд, и та тут же отвернулась замолкнув.

Еще десять минут артисты слонялись по танцклассу. Без четких указаний, уже размятые и готовые к работе, они не знали, чем себя занять. И потому восприняли возвращение Инессы Трофимовны с радостью и оживлением. Жить в линиях и стойках им было куда привычнее и понятнее.

Но стоило следом в танцкласс шагнуть незнакомке в белом тренировочном костюме, — видимо, Аня успела переодеться, — как все вокруг сразу стихло, наполнилось интересом, но тяжелым, колким. В любой момент он грозился обратиться враждебностью.

— Это Анна, — Инесса Трофимовна указала на балерину. — Ваша новая коллега. Она будет танцевать во втором составе как солистка, вместо Маши.

Волну возмущения и переглядок, прокатившуюся по труппе, не смог сдержать даже авторитет Инессы Трофимовны.

— Ее назначили из Москвы, — уже тверже произнесла Инесса Трофимовна, и в тоне звучал угрожающий призыв успокоиться. — Но это ненадолго.

Дождавшись, пока волнение уляжется, Инесса Трофимовна обратилась к Ане.

— Вставай туда, — она указала на пустоту в самой последней линии. — Пусть тебя и рекомендовали, но в этом классе каждый заслужил свое место. Тебе придется сделать то же самое. Понятно?

— Благодарю, — ответила Аня и встала, куда велела Инесса Трофимовна.

Яна цепко всматривалась в Аню, и с каждой минутой бездна страха в ее душе становилась все темнее и глубже. Весь вид Ани, ее голос и жесты, все выглядело совсем по-человечески. Если не знать правды, не понять, что она неживая.

Инесса Трофимовна хлопнула в ладоши.

— Продолжим занятие! Пожалуйста, кордебалет, мужчины!

Репетиция понеслась привычным чередом. Но Яна знала, что все уже бесповоротно изменилось.

Пока Инесса Трофимовна отрабатывала мужскую партию кордебалета, балерины рассыпались по периметру наблюдая. Сонечка, Олеся и Женя заняли место в привычном им уголке.

Ярость, отчаяние и обида клокотали внутри Жени, испытывая на прочность ее самообладание. Она почти получила второй состав!.. Почти. Всегда на ее пути возникало это проклятое «почти».

Невинный и смиренный вид Ани, замеревшей у стены, будил в Жене порыв схватить новенькую за светлые патлы и хорошенько макнуть в унитаз, полный дерьма. Погасить эту слепящую глаза кротость.

Утешало лишь одно – растерянное и полное сомнений лицо главной соперницы.

— Гляньте, какая рожа у нее. — Женя усмехнулась и кивнула в сторону Яны. — Наконец-то кто-то с нее сбил всю спесь.

— И чего ты радуешься? — отозвалась Олеся. — Не Артышева, так другая. Если будут новые приходиться, мы до главных ролей не дотанцуемся.

Мы? Женя взглянула на Олеся. Кажется, падение Маши даже у нее расшевелило какие-то амбиции. И такое лучше сразу пресекать.

— Лесечка, ну тебе нужно будет постараться... А я в следующий раз точно буду вторым составом. Эта выскочка здесь ненадолго, — и Женя тут же поморщилась от того, сколько надежды просочилось в последнее. Опять она надеялась не на себя, а на чудо извне.

Олеся ничего не ответила, только усмехнулась, но Женя видела, как затаился яд в глубине ее карих глаз.

— А мне и не надо основных, вторых составов, — вдруг встряла Сонечка, совершенно не ощущая щепетильности момента. — Я люблю и так. Главное – танцевать.

— Редкий ты зверь, Соня, — равнодушно ответила Женя, даже не взглянув на нее.

— По-простому – дура, — любезно перевела Олеся.

Сонечка потупила взгляд, но ничего не ответила.

Когда мужской кордебалет закончил, Инесса Трофимовна бросила взгляд на большие старые часы. Она хлопнула в ладоши, привлекая внимание, хотя в этом не было никакой необходимости. Она и так безраздельно владела всем вниманием в классе.

— Мы сегодня потеряли много времени... — раздраженно произнесла Инесса Трофимовна. — Кордебалет, девушки, повторите вашу партию без меня. А Яна пока покажет Ане, как танцевать соло.

Яна замешкалась, прежде чем двинуться к центру класса. Показывать партию означало буквально отдавать свое место, элемент за элементом. Но не подчиниться она не могла. Споры только пошатнут и без того теперь некрепкое положение. Нужно было все обдумать, решить, как лучше действовать.

Яна не страшилась конкуренции с другими балеринами, но та всегда была на равных. Сейчас перед глазами стояли только эти ужасающие тридцать два двойных фуэте, и все внутри цепенело. Что делать с заранее непобедимой соперницей, Яна не могла и представить.

Танцкласс словно разделили невидимой линией. Кордебалет занял место ближе к концертмейстеру Людмиле Павловне, а Инесса Трофимовна, Аня и Яна ушли ближе к зеркалам.

На такие случаи здесь стояла небольшая колонка, которую Инесса Трофимовна не хотела брать до последнего, настаивала на втором зале для репетиций, но Бартынов красноречиво убедил, что бюджета у театра было только на колонку, и Инессе Трофимовне пришлось смириться. Сейчас она уже забыла об этом и с удовольствием пользовалась предоставленной возможностью.

Этот случай всегда казался Яне забавным, но теперь она смотрела на колонку как на мрачное предзнаменование.

Инесса Трофимовна включила нужную композицию, а следом ожила Людмила Павловна и застучала по клавишам рояля. Музыка разлилась по танцклассу, и кордебалет пришел в движение.

Рояль перебивал звук из колонки, нарушал ритм, но Яна могла станцевать свою партию и в полной тишине. Яна двигалась, сосредотачивая все внимание на теле и балансе. Старалась, чтобы каждый жест даже на таком прогоне работал на одну-единственную цель – передать эмоцию, суть изображаемой героини.

— Тебе что, хочется танцевать в кордебалете? — строгий голос Инессы Трофимовны выдернул Яну из процесса. Она вздрогнула и замерла. Что она сделала не так? Где ошиблась?

Но Инесса Трофимовна обращалась вовсе не к ней, а прожигала глазами Аню, которая только теперь отвела взгляд от кордебалета и посмотрела на балетмейстера.

— Я буду танцевать там, где вы скажете, — Аня говорила совершенно бесстрастно. — Вы создаете танец и лучше знаете, куда поставить каждого участника. Я всего лишь инструмент вашего замысла.

Инесса Трофимовна растерялась на миг, а потом ее губы сомкнулись и вытянулись в тонкую линию. Она была в бешенстве.

— Я тебя поставила танцевать соло во втором составе, — процедила она. — Так и учи эту партию. Или ты думаешь, что, если тебя назначили, с тобой кто-то будет цацкаться?

— Я знаю партию, — прозвучало наивно, бесхитростно, без тени пререкания. Такой тон взбесил бы кого угодно, и Инесса Трофимовна предсказуемо вскипела.

— Стоп! — разнеслось по классу как гром. Музыка оборвалась, кордебалет замер. Снова образовалась эта тяжелая давящая тишина. От крика внутри зашевелилось что-то болезненное... Яне стало неуютно, захотелось исчезнуть и спрятаться. Но уйти она не могла.

— Показывай, если знаешь! — по кивку Инессы Трофимовны Людмила Павловна начала играть соло-партию Яны. И Аня мгновенно подхватила. Яна с ужасом узнавала в ее движениях свои, даже те, показать которые она еще не успела.

Инесса Трофимовна досмотрела до конца. Губы ее постепенно разжались, оставив лишь колкие, искрящиеся глаза. Никто из посторонних никогда бы не понял, что это за выражение, но каждый в танцклассе знал – это была самая редкая эмоция балетмейстера – восхищение.

— Хорошо... — задумчиво и скорее даже самой себе произнесла Инесса Трофимовна. — Когда ты успела ее выучить?

— В интернете есть видеозапись спектакля, — так же бесстрастно ответила Аня. Она оказалась равнодушна и к чужой ярости, и к чужому восхищению.

— Вы закончили? — Инесса Трофимовна перевела взгляд к остальным так быстро, что балерины из кордебалета растерялись на мгновение, затем торопливо закивали вразнобой, несмотря на то что, вообще-то, их прервали. — Постройтесь.

Когда Аня направилась к своему месту в последней линии, Инесса Трофимовна выдала неуверенное, короткое:

— Стой...

И Яна уже поняла, что это значит.

Аня подчинилась, замерла на месте и уставилась этими раздражающе-ясными голубыми глазами, ожидая дальнейших указаний.

— Вставай рядом с Яной, в первую линию.

Под колкие взгляды и шепотки Аня прошла, куда сказали, вновь совершенно не обращая внимания на чужие чувства.

Яна заметила, как Женя покраснелась, давя в себе ярость, а Олеся неприятно усмехнулась, глядя на нее.

Знали бы они, подумала Яна.

— Перерыв полчаса, — объявила Инесса Трофимовна. — Готовьтесь к прогону на сцене.

Паша нагнал Яну в коридоре.

— Стой, Ян... Да подожди ты!..

Яна резко остановилась, будто внутри сработал стоп-кран, Паша успел замереть в последний момент, чтобы не влететь в нее. Он с детства хорошо чувствовал свое тело, и минимум пару раз это спасало его в критических ситуациях.

— Что? — раздраженно выпалила Яна. Она и в обычные дни была напряженной, нервной. Но сегодня и вовсе походила на струну, готовую вот-вот порваться.

— Ты сама не своя, и я просто... — уверенность Паши испарялась, стоило ему выйти из танцкласса и остаться с Яной наедине. Он неловко замялся. — Тебе что-то сказали?.. — он хотел сказать другое. Хотя бы то, что волновался о ней, найти слова поддержки, но сказал, что решил.

— Сегодня будь внимательным, — напутствовала Яна. — Нужно сделать все хорошо. Нет... Идеально.

Паша знал, что Яна не воспринимает его мнение всерьез из-за его, как она считала, легкомысленного отношения к делу. Но все же мягко улыбнулся и заверил:

— Мы и так хорошо танцуем.

— Идеально, — напомнила Яна. — Я ведь сказала – идеально. Время для «хорошо» уже ушло. Этого недостаточно.

Паша вздохнул. Ему очень хотелось подарить Яне хотя бы частицу покоя и радости от работы. Увидеть ее улыбку, услышать, как она смеется. Но подобные эмоции у Яны он видел только, если это чувствовала ее героиня на сцене.

— Она чья-то дочь или типа того?

— Какая разница, — взвилась Яна. — Сосредоточься на работе. А если тебе так интересно, сходи и сам спроси у нее.

Яна развернулась и двинулась прочь.

— Погоди...

— У меня нет времени, — отмахнулась она.

Паша смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, а затем, чертыхнувшись, ушел в противоположном направлении.

Нужный кабинет Яна нашла довольно быстро. И чем ближе приближалась к двери, тем больше набирала ярости. Она ворвалась без стука, как фурия.

— Какого черта?! — зашипела она. — Что все это значит, Ева?!

Какая-то маленькая, и, видимо, самая наивная часть Яны, все еще надеялась, что она обозналась. Но, конечно, нет. Разве она могла?..

— О, я тебя ждала, — Ева поправила очки в черной оправе и дружелюбно улыбнулась. Ни появление Яны, ни ее экспрессия, не удивили и не проняли новоиспеченную хозяйку кабинета.

Ева продолжила подключать тонкие провода к крупной электронной установке, в которой компьютер угадывался лишь отчасти, больше напоминая электронного мутанта с наростами деталей неизвестного назначения. Вся эта гудяще-светящаяся машина с тремя экранами выглядела внушительно и чужеродно. Особенно здесь, в старом кабинете театра, не видевшем ремонта, кажется, со времен постройки.

— Ответ на вопрос, — отрезала Яна.

— Ты была на презентации, насколько я помню.

Ева клацнула по клавиатуре, и все три экрана разом зажглись, затопив ее лицо ярким голубым светом. Холодным и чужим, сделав и саму Еву холоднее, отчужденнее. И Яне вдруг отчаянно захотелось увидеть ее не так, а на сцене. Под лучами горячих и теплых софитов. И самой немного согреться, прогнать тот холод, что сквозняком гулял в груди при мыслях о Еве.

Яна тяжело выдохнула и спросила уже спокойнее, вкрадчивее, надеясь на искренность:

— Зачем ты здесь?

Но Ева не услышала или не захотела, продолжая смотреть в экран. В стекле ее очков замелькали блики всплывающих окон.

— Я же сказала, нам нужно провести исследования. В столицах это сделать проблематично.

— Ты могла выбрать любой театр, — Яна понимала, что, даже если Ева говорит правду, истинные ее мотивы были глубже. Не могли быть не. — Но приехала именно сюда. Что тебе нужно?

Ева вздохнула и, наконец, взглянула на Яну.

— Ты разве не рада увидеть родную сестру?

От этой лживой легкости в ее голосе, Яна едва не закатила глаза. Она не собиралась играть в спектакле «долгожданное воссоединение сестер». Это было не о них. Сестрами они были только на словах.

— А ты не сочла нужным раскрывать себя... Инесса Трофимовна ведь тебя не узнала?

— Брось, — улыбнулась Ева, и совсем без горечи добавила: — Театр не помнит непригодных.

Эти слова заронили в душу Яны еще больше сомнений. Ева могла назвать иное, например, что уехала из города в колледж еще совсем подростком, прошло много лет, она изменилась. Или что раньше она тратила уйму времени, чтобы зализать свои непослушные кудри в балетную прическу, и плакала, когда та не выходила. Но на занятия она исправно ходила с шишкой, и никто не видел ее с таким пышным ореолом волос, как сейчас. Но сказала она именно то, что сказала. Ей все еще было больно.

— И с фамилией не возникло вопросов? — уточнила Яна.

Ева подняла правую руку. На безымянном пальце сверкнуло обручальное кольцо.

Яна хмыкнула.

— И даже на свадьбу не позвала? — в голос просочилась язвительность. — Разве была бы не рада увидеть родную сестру?

Ева не торопилась отвечать. Она опустила руку, и на ее лице поселилось странное, вопрошающее выражение. Яна решила не гадать, что оно значит, в конце концов, все это не имело значения. Она пришла сюда не за этим.

— Ты привела в театр *это*, чтобы уничтожить меня? — Яна старалась придать голосу силы, но в него вдруг просыпались крупинцы страха. Каждый раз, думая об Ане, она вспоминала эти безумно-точные фуэте. *Раз, два, три...* — Да что меня, весь балет! Ты же понимаешь это? К чему все придет? Неужели настолько ненавидишь его?

Ева мягко покачала головой, будто услышала лепет неразумного ребенка.

— Все ровно наоборот. Я создала Аню из своей любви к балету. Вложила в нее все, что сама хотела воплотить. Поверь мне, Аня улучшит балет. Изменит его.

— Создала?.. — удивилась Яна. — Я думала, ты что-то вроде представителя компании или консультанта.

— Я ведущая разработчица, — улыбнулась Ева. Глаза ее светились гордостью.

У них с мамой были похожие глаза, и в целом они были похожи. Но Яна никогда не помнила такого выражения лица у матери.

— Так, ты не просто притащила ее сюда. Это все твоих рук дело... И ты назвала ее Аня? Серьезно?

— Хотелось добавить что-то и от тебя. Думала, ты оценишь... В конце концов, мама всегда ставила тебя в пример. И заслуженно, верно? Недостигаемый идеал...

Слова царапнули изнутри. Яна никогда не хотела быть недостижимым идеалом. По крайней мере, не для Евы.

— Прекрати, — Яна взмахнула рукой. Сделала *тот самый* жест непроизвольно. Ева тут же замолчала, но посмотрела печально, словно с жалостью. Совершенно Яне не нужной. Раздражающей. — Можешь рассказывать эти сказки кому угодно. Ты пришла не делать балет лучше, ты пришла его уничтожить. А вместе с ним и меня, и все то, что мама в нем любила. В тебе говорит обида, а не любовь.

— Ты вольна думать что угодно...

— Твоей железке тут не место. Я не дам себя заменить. Не дам *этому* захватить балет! Ева устало вздохнула.

— Вообще-то, она скорее пластиковая... И это не борьба, Яна. — она улыбнулась. — Это мой подарок.

Внезапный стук в дверь не дал Яне сказать, что она думает по поводу такого подарка. Дверь открылась почти сразу, не дожидаясь разрешения. На пороге показалось двое мужчин-монтажников. Вместе с ними кабинет наполнил запах пота и перегара. Яна поморщилась. Кажется, она узнавала их лица, но помнила смутно.

— Так это, мы, это... — один из них почесал затылок, — закончили, повозиться пришлось... можете взглянуть.

— Благодарю, — Ева вежливо улыбнулась из-за стола. И с тем же выражением, от которого у Яны едва не хрустнули от злости зубы, сказала: — Думаю, нам пора заниматься делами. Тебе — своим, а мне — своим.

Слова всколыхнули в памяти воспоминания. Именно это сказала Еве мама, когда стало понятно, что балериной той не стать. Ее отчаянные рыдания на мгновение зазвенели в голове.

Когда сестра прошла мимо, Яна почти рефлекторно оценила состояние ее тела.

Частично фигуру скрывал черный костюм модного фасона, но даже так, Ева выглядела все такой же стройной, не потеряла былую форму. Скорее всего, она занималась до сих пор. Но спина, ее слабое место — также никуда не исчезла. В юности Яна не совсем понимала категоричность матери, но сейчас видела все ясно.

Хорошее, тренированное тело, почти идеальная осанка, но... Что-то не давало костям и мышцам выстроиться в красивый силуэт. Странная, непонятная кривизна, совершенно неважная для обычной жизни, но для балета — фатальная. Эта кривизна нивелировала весь труд и усилия, лишала облик необходимой легкости. Лишала Еву мечты.

У Евы было неподходящее для балета тело. И все. Бескомпромиссный, как законы физики, приговор.

Но балерин учат с физикой соперничать. И поначалу Ольга Артышева надеялась, что со временем осанка выправится, и продолжала обучать Еву. Но сколько бы та ни старалась, оказалось, что исправить это нельзя. Тело осталось глухо к упорному, изматывающему труду, как тысячелетняя неприступная гора.

Ева любила балет не меньше Яны, не меньше матери. Это было чертовски несправедливо. И Яне было очень жаль. Правда, жаль.

Ева будто почувствовала на себе этот взгляд, обернулась и передернула плечами, словно хотела отбросить от себя чужое сочувствие.

Когда она вышла, Яна постояла одна еще мгновение, а затем один из монтировщиков показался в проеме двери.

— Так это... Яна Валерьевна, дайте пройти...

Монтировщик занес в кабинет тяжелую, увесистую вязку проводов и бросил ее на пол. Яна шагнула из комнаты. Провода, как маленькая речушка, текли по коридору и скрывались в темноте лестничного прохода.

Бартынов присутствовал на прогонах редко. Но когда приходил, смотрел их со снисходительным терпением. Виденное им десятки, если не сотни раз действие об одном и том же давно наскучило, и без нужды он сюда не являлся.

Он, делая вид, что крайне заинтересован прогоном, изредка поглядывал на строгий профиль Инессы Трофимовны, примеряясь, как бы поудачнее преподнести свое предложение.

— Да говорите уже! — не выдержала Инесса Трофимовна, голос ее сочился раздражением. Бартынов усмехнулся. Все же долгие годы работы не прошли для них даром. Его видели насквозь.

— Инесса Трофимовна, милая, не хотите ли испытать наше новое приобретение?

Балетмейстер всплеснула руками.

— Как заговорили, а! Как заговорили! А когда я просила расписание послабже для Яны, кто мне говорил: «Да кроме нее ни на кого не ходят! Кассу надо держать!» Было? А сейчас что? Ее в сторону? Она свое место заслужила.

Бартынов удивился. Он еще даже не сказал, что именно хочет сделать, а его уже разгадали.

— Ну, Инесса Трофимовна, дорогая, ну было, каюсь. Но ведь это временно. Просто эксперимент! И ведь, правда, на Артышеву только и ходят! Потомственная балерина, легенда наша. Вы же знаете, я же про все должен думать. И про искусство, и как стены починить, и чем зарплату...

— Ну, не начинайте, про искусство! — Инесса Трофимовна поморщилась и махнула рукой, вкладывая в этот жест все свое пренебрежение к дельцам Бартыновского типа и к необходимости считаться в искусстве с таким неприятным ей понятием “коммерция”. — В вас искусства!...

Бартынов всегда считал себя человеком с самоиронией, и потому на подобное пренебрежение только посмеивался. Все это искусство без денег не живет, как бы кому это не нравилось. И даже гордой Инессе Трофимовне нужно было есть, чтобы на следующее утро со степенным видом не давать балеринам спуску.

— Инесса Трофимовна, не обижайте почем зря. Я, может, о деньгах думаю, но и понимаю в прекрасном. Скажите, плоха разве новая балерина?

— Хороша, хороша... — Инесса Трофимовна скрестила руки. — Настолько хороша, что страшно на нее смотреть. В мое время это были только фантазии. А вот она – стоит передо мной. Мороз пробирает...

— И прекрасно, — губы Бартынова растянулись в улыбке. — Разве не в этом смысл искусства? Завораживать, будоражить, впечатлять. А вы говорите, что не понимаю ничего.

Инесса Трофимовна не ответила. Все это время она не отводила цепкого взгляда от сцены. Бартынов не видел ее глаз, но почувствовал брешь в чужой броне.

— Мы не знаем, что взбредет в голову этим разработчикам завтра, — продолжал Бар-
тынов. — Может, решат, что узнали все, что им нужно. Да и вообще, в нашей стране – что
постоянно, то не вечно. Давайте пользоваться шансом, пока он есть. Что скажете?

Обычно Женя смотрела на сцену во время прогонов. Следила, кто в какой форме, где
у кого проблемы. Пыталась посмотреть на всех взглядом Инессы Трофимовны, найти какую-
то подсказку, что она могла бы сделать, чтобы стать лучше. Получить свой шанс пробиться
дальше.

Но это обычно, сегодня же она не могла отвести взгляда от новенькой, Ани. Конечно, ее
появление и то, как бесцеремонно, она украла место Жени во втором составе, вызвали в той
волну ярости, беспомощную обиду и интерес. Но дело было не только в этом. Сам вид Ани,
ее движения и голос будили внутри какую-то тревогу. Странное, безотчетное чувство. Женя
будто смотрела на тихую гладь озера и видела на дне бурное течение. Но это ведь невозможно.
Не бывает течений в озерах.

Устав от собственных предчувствий, Женя решительно двинулась к Ане.

— Женя? — вскинулась Сонечка, которая стояла рядом и натирала пуанты в ящичке с
канифолью⁹. — Ты куда? Нам скоро на сцену...

— Тише, — осадила Женя, протискиваясь через колонки балерин. — познакомиться
хочу... Эй, новенькая!

Сонечка увязалась следом, но Жене было все равно. Олеся, кажется, почуяв какой-то
скандал, улыбнулась, тоже подошла к ним и замерла в тени.

Аня, кажется, не заметила их. Она не дернулась, даже головы не повернула. Женя взви-
лась, махнула рукой перед чужими глазами, грубо привлекая внимание.

⁹ Канифоль – это измельченная смола хвойных деревьев, используемая танцорами для натирания подошвы пуантов или балетных туфель. Она обеспечивает надежное сцепление с деревянным полом сцены (паркетом/линолеумом), предотвращая скольжение, падения и травмы во время вращений, прыжков и приземлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.